

Абаева Л. Л. Ундэр гэгэн в исторической ретроспективе, социокультурных процессах и этнокультурной динамике буддийских традиций Монголии
Ориенталистика. 2020;3(3):892–902

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-3-892-902

УДК 294.3

Рецензии
Review

Ундэр гэгэн в исторической ретроспективе, социокультурных процессах и этнокультурной динамике буддийских традиций Монголии

[Рец. на:] Чулун С. (эрх.). «Сарьдагийн хийд». Ондор Гэгээн Занабазарын Уран Бүтээлийн Хурээ. Улаанбаатар: Туух-Археологийн Судалгаа; 2019

Л. Л. Абаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8628-9604>, e-mail: luba-abaeva@mail.ru

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук) по проекту XII.191.1.3. «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310263-7.

Under Gegeen in the historical Retrospective, sociocultural Processes and ethno-cultural Dynamics of the Buddhist traditions in Mongolia

[Review on:] Chulun S. (ed.). “Sardag Monastery”. Under Gegeen Zanabazar’s Creative Monastery. Ulaanbaatar: Institute of the History and Archeology; 2019

L. L. Abaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8628-9604>, e-mail: luba-abaeva@mail.ru

Acknowledgements: the research was financially supported by the FASO (Russia) awarded to the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia. Project XII.191.1.3: “Comprehensive study on the religious, philosophical, historical, cultural, and sociopolitical aspects of Buddhism in the traditional and modern contexts of Russia, Central Asian and East Asian countries”, № АААА-А17-117021310263-7.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Исследовательская группа монгольских ученых под непосредственным научным руководством действительного члена Монгольской академии наук С. Чулууна, директора Института истории и этнологии, начала в 2013 г. совместно с Институтом археологии МАН уникальные по своей историко-культурной актуальности и значимости раскопки. Археологические исследования успешно продолжались в течение шести лет и закончились в 2018 г.

В результате кропотливого и неустомимого исследования и была опубликована блестяще иллюстрированная коллективная монография «Сарьдагийн хийд» под общей редакцией академика С. Чулууна. Книга является итогом многолетней полевой, этнологической, культурологической и искусствоведческой работы. Издание богато иллюстрировано, представляет собой образец блестящей полиграфии и поражает высокопрофессиональным дизайном. Монография состоит из 15 самостоятельных разделов, связанных общим контекстом повествования и посвященных анализу уникального буддийского монастыря, исторически непосредственно связанного с Ундэр гэгэном.

Сарьдагийн хийд является одним из крупнейших монастырских комплексов, созданных при участии первой эманации Таранатхи в Монголии –

Рис. 1. Участники историко-археологических раскопок «Сарьдагийн хийд» Монголии.
Фото Э. Уртнасан

Fig. 1. Participants of the historian-archeological excavations “Sardagiyn hiyd” Mongolia.
Photo E. Urtnasan

Рис. 2. Карта-схема монастыря Сарьдаг. Фото Б. Батцоож

Fig. 2. The schematic map of the monastery Sardag. Photo B. Battsoozh

Джебзун Дамба хутухты Занабазара¹. Примечательно, что основан этот монастырь в красивойейшей местности на склонах Хан-Хэнтэйских гор. Исторически (об этом повествуют многочисленные легенды) он считается одним из главенствующих буддийских храмов в Монголии, и – несомненно – это и по сей день важнейший архитектурный памятник буддийской культуры в этой стране (С. Чулуун, Н. Мармальма). Монастырь возводился 32 года при активном творческом участии Занабазара. К сожалению, по прошествии всего двух лет после окончания его строительства монастырь был разрушен (сожжен) до основания в результате военных междоусобных столкновений между центральными монголами-халха и ойратскими племенами (1686–1688).

Сарьдагийн хийд был основан в 1654 г. на холмах Хэнтэя, расширив уже существовавший буддийский комплекс, основанный и креативно

¹ В рецензируемой книге на монгольском языке употребляется именно этот вариант написания имени – Занабазар, так как оно начинается с прописной буквы «да», которая в тибетском слоговом письме не транслитерируется и не читается. На русском языке чаще это имя приводится в варианте Дзанабазар (см. статьи С-Х. Д. Сыртыповой в нашем журнале: 2019;2(1):62–76; 2019;2(3):591–612; 2019;2(4):817–837; 2020;3(2):348–378) или Дзанабадзар (см. статью Ю. И. Елихиной в этом номере журнала).

оформленный Ундэр гэгэном. Вследствие своей удаленности от Урги монастырь так и не стал доминирующим буддийским центром в религиозной культуре монголов. Однако священные реликвии, найденные в результате раскопок на его территории, уникальны и представляют огромный интерес не только в качестве религиозного наследия халха-монголов, но и как историко-культурные ценности, являющиеся достоянием всей монгольской метаэтнической общности, населяющей обширные районы Внутренней Монголии КНР и Российской Федерации.

В начале раскопок, как описывают сами их участники и очевидцы, руины разрушенного города представляли собой огромную заросшую территорию, покрытую растительностью более чем трехсотлетнего возраста. В ходе работ выяснилось, что северо-западная часть монастыря, где начинались раскопки, находилась на специально отреставрированном крыльце и имела семь отсеков. Над обломками каменной стены здания были обнаружены следы створчатого окна. Высота стены составляла более 2 м, вследствие чего логично предположить, что здание было двухэтажным. Там также были обнаружены многочисленные керамические украшения, глиняные кирпичи, железные гвозди и проволока. находки привели ученых к выводу, что монголы изготавливали свои собственные (аутентичные) кирпичи, а также вазы и металлические изделия примерно с 1654 по 1687 г.

Рис. 3. Монастырский комплекс «Сарьдагийн хийд». Фото Б. Баясгалан

Fig. 3. The monastic complex "Sardagiyn Hiyd". Photo B. Bayasgalan

Кроме того, в северной части большого здания монастыря были обнаружены десять достаточно крупных статуй буддийских божеств, а также многочисленные фрагменты буддийских ритуальных предметов и утвари. Естественно, эти уникальные и драгоценные находки подверглись реставрации, реконструкции и атрибутике и в настоящее время хранятся в музее в Институте истории и этнологии Академии наук Монголии.

Рецензируемая коллективная монография открывается вводной статьей ответственного редактора – С. Чулууна, в которой автор подчеркивает уникальную роль буддизма как культурно-религиозного феномена в истории Монголии XVII в. в контексте кочевой цивилизации. Он также дает оценку проделанной работе в целом, отмечая, что она восполняет существующий в научных исследованиях пробел по истории и деятельности буддийских монастырских комплексов этого периода. Далее (с. 8–9) следует красочная репрезентация жизнедеятельности и творчества первого монгольского Джэбзун Дамба хутухты – Ундэр гэгэна Занабазара (1635–1723) с привлечением исторического материала и раскопанных реликвий монастырского комплекса Сарьдагийн хийд. С. Чулуун в контексте данной коллективной работы также представил и свои разделы: «Монастырь Сарьдаг в Хан-Хэнтэе» (с. 47–69), устные и фольклорные

Рис. 4. Тысяча Дхьяни будд, найденных при раскопках. Фото Гамма Студия
Fig. 4. One thousand Dkhyani buddas, found during excavation. Photo Scale Studio

материалы о Сарьдаг монастыре (с. 97–111), о связи монастыря с библиотекой «Их хурээ» (совместно с Н. Хатанбаатаар) (с. 69–97). Не были забыты и слова благодарности (Талархал) многочисленным организациям и лицам, внесшим свой вклад консультациями столь монументального труда, как на стадии археологических раскопок, так и в деле издания настоящей публикации (с. 488). Э. Уртнасан и Ч. Энхтуул посвятили свой раздел непосредственно творчеству Ундэр гэгэна: главному зданию монастыря, внешней и внутренней атрибутике (с. 111–147).

Талантливый скульптор, архитектор, художник Занабазар среди монголов был популярен как Ундэр гэгэн («Высокий наставник»), сын одного из самых влиятельных халхасских князей – Тушету хана Гомбодоржа, он был признан и кодифицирован как хубилган (перерожденец) знаменитого Таранатхи. Вследствие этого он был интронизирован в 1639 г. как глава буддийской церкви Монголии. Получил образование не только в известных монгольских монастырских комплексах, но и с 1654 г. обучался в Лхасе, где получил непосредственно от далай-ламы высшую духовную степень буддийского монаха и титул – Джэбзун Дамба хутухта Занабазар.

Рис. 5. Бронзовая модель субургана (ступы), найденная при раскопках. Фото Гамма Студия

Fig. 5. The bronze model of a Suburgan (mortar) found at excavation. Photo Scale Studio

Рис. 6. Пять Дхьяни будд: Вайрочана (Машид гийгуулэн зохиогч), Акишобхья (Ул худлогч), Амогасиддхи (Тус бутээч), Амитабха (Цаглашгуй гэрэлт), Ратнасамбхавя (Эрдэнэ уусгэгч). Фото Самосюк, 2006, кат. 158

Fig. 6. Five Dkhyani buddas: Vayrochana (Mashid giyguulen zokhiogch), Akshobkhya (st. hudlogch), Amogasiddkhi (Hangouts buteech), Amitabhk (Tzaglashguy gerelt), Ratnasambkhava (Erdene iisgegch). Photo Samosyuk, 2006, kat. 158

Доктор исторических наук С.-Х. Сыртыпова в своем разделе описала и проанализировала пять изображений классических представителей буддийских божеств, найденных при раскопках (с. 261–291). Наиболее классические и популярные в монгольском мире буддийские божества – дхьяни будды: Вайрочана (Машид гийгуулэн зохиогч), Акшобхья (Ул худлогч), Амогасиддхи (Тус бутээч), Амитабха (Цаглашгуй гэрэлт), Ратнасамбхава (Эрдэнэ уусгэгч) высотой 14 см, размером 10 ´ 5,5 см выполнены из глины, сидят, как правило, на треугольном лотосовом троне.

Ч. Энхтуул в своем разделе проанализировал деревянные изделия, выполненные в тибетско-монгольской культурной и религиозной традиции (с. 347–381). Тематике деревянного зодчества в контексте раскопок посвящен также раздел С. Чулууна и Г. Сайнбаяра (с. 381–389). Несомненно тибетское влияние на изобразительное искусство и зодчество монгольских народов, так как территория Великой степи представляла собой в исследуемый период единый универсальный и типологически общий этнокультурный анклав. В едином пространстве переплетались не только тибетские, но и тюркские, и тунгусо-маньчжурские этнокультурные компоненты, притом что доминировала религиозная культура. Монгольские мастера воспринимали приемы и технику изображения, пропорции и композицию, световую и цветовую гаммы от образцов тибетского варианта буддийского искусства. При этом они могли проникаться достаточно сложной системой буддийской философии и всех ее доктрин, а также быть ознакомленными со всеми видами творческой деятельности, включенными в доктринальную структуру буддийской культуры. С течением времени, однако, монгольские мастера все же вносили в тибетский, ставший уже классическим, канон пропорций изобразительного искусства свои неповторимые монгольские черты и этнокультурные стереотипы.

Ю. И. Елихина представляет в данной монографии реликвии монастыря Сарьдаг, в настоящее время хранящиеся в Государственном Эрмитаже (с. 429–479). Ц. Гунчин-Иш в своем разделе представляет и анализирует уникальные работы самого Ундэр гэгэна (с. 147–261). Б. Батцоож представляет найденные атрибуты, свя-

*Рис. 7. Бронзовая статуэтка Будды Шакьямуни.
Фото Гамма Студия*

Fig. 7. A bronze figurine of Buddha Shakyamuni. Photo Scale Studio

занные с военным вооружением, кольчугами, различной защитной одеждой и предметами военного быта, – пищалами, ружьями, пистолями, головными уборами и др. (с. 317–347). Вклад Н. Нандинцэцэг выражен в анализе технологических приемов и практик, используемых при изготовлении найденных артефактов (с. 411–429). Заканчивается фундаментальный труд наших монгольских коллег презентацией фотографий некоторых красивейших эпизодов, сделанных в ходе историко-археологических исследований означенного памятника (с. 479–487).

Здесь необходимо уточнить, что с XVI в. в эволюции метаэтнической монгольской общности (Хамаг Монгол), уставшей от внешних и внутренних политических и социальных междоусобиц, фиксируются четкие этапы этнокультурного возрождения. Буддизм со своей теорией и практикой, философией, медициной, астрологией, книгопечатной культурой, институтом наставничества, возможно, явился той самой культурной доминантой, которая, инкорпорировав многие добуддийские религиозные традиции, сыграл и до сих пор продолжает играть огромную роль в этнокультурной консолидации монгольских народов [1, с. 79].

«Провозглашение буддизма государственной религией монгольского государства вызвало большие изменения в идеологии кочевников», – подчеркивает академик Ш. Бира и ниже отмечает: «Хотя центр Монгольской Империи располагался в Китае, официальная идеология была заимствована у древней индийской религии». По приводимым им

Рис. 8. Глиняная фигура Будды.
Фото Гамма Студия

Fig. 8. A clay figure of Buddha. Photo Scale Studio

Рис. 9. Дхьяни Будда.
Фото Гамма Студия

Fig. 9. Dkhyani Buddha. Photo Scale studio

данным, всемонгольский хан Хубилай был признан новыми кочевыми адептами буддизма земным воплощением (перерожденцем) знаменитого Ашоки [2, с. 39].

В последнее время по линии развития философии религии и культурной антропологии наметилась тенденция рассматривать этнорелигиозные феномены не просто как достояние общечеловеческой культуры, а как конкретную этнокультурную традицию, созданную в пространстве конкретного места, имеющего соответственно все конкретные геофизические, географические, ландшафтно-климатические, хозяйственно-культурные, языковые и ментальные характеристики, т. е. в конкретном локусе.

Локус бытия этнокультурных и религиозных традиций монгольских народов, а также каждого конкретного человеческого индивида в культурном пространстве Великой степи имеет свою характерную только для этого региона специфику. Почти каждый конкретный локус бытия здесь сакрален и четко очерчен внутри существующей только в этом пространстве религиозной культуры. В данном случае, говоря о рецензируемом труде, имеется в виду уникальность монастырского комплекса Сарьдагийн хийд.

Рассматривая наиболее интересные архитектурные ансамбли и отдельные сооружения средневековой Монголии, известный и очень популярный художник Ням-Осорын Цультэм напоминал, что в архитектуре XVI – начала XX в., «помимо собственного монгольского стиля прослеживаются также еще три направления. Первое сложилось под сильным воздействием традиций китайской архитектуры, второе – тибетской и третье представляет совокупность тибето-монгольской архитектуры» [3, с. 66].

Вследствие этого закономерно, что исследование универсального и трансцендентного, зафиксированного в религиозной культуре монгольских народов, следует изучать через конкретное локальное, уникальное и имманентное. Поэтому считаю нужным подчеркнуть в данной рецензии особенности рецепции и аккультурации буддийских идей и практик монголами халха в контексте творчества и социокультурной значимости творческой деятельности Джэбзун Дамба хутухты Занабазара. Ундэр гэгэн по возвращении из Тибета, расширяя монастырский комплекс Их хурэ, учредил там же семь аймаков монашеских общин. Хорошо владея санскритом и тибетским, именно он создал уникальный монгольский алфавит, позволяющий легко транскрибировать санскритские и тибетские термины [3, с. 80]. Трудно сказать, в какой области заслуги Занабазара наиболее значительны – в творческой (светской) или в монастырской (сакральной), так как в обеих он сделал поразительно много. Но одна из важнейших его заслуг в том, что, создавая свои уникальные произведения – Очирдара (Ваджрадара), пять

Дхьяни будд, двадцать одна Тара, Амитаюс и многие другие, – он не просто преодолевает (в некоторой степени – трансформирует) каноны буддийской культуры, но и приближает их к адекватному восприятию кочевника-мирянина.

Взаимодействие многочисленных этнических субстратов (тюрки, маньчжуры, тибетцы, монголы) способствовало не только обогащению и синтезу их культур, но и их эволюции от низших форм к более высоким, а значит, и развитию, совершенствованию всей религиозной системы народов Центральной Азии. Преимущество наиболее общих парадигм религиозной культуры этого региона и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором предыдущие стадии и все стадиальные достижения не отбрасывались, а сохранялись и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения.

В данном случае религиозная культура, содержащаяся в дошедшем до нас творчестве Занабазара, является наиболее устойчивым компонентом в этнокультурной истории монголов и демонстрирует нашим современникам нормы, идеалы, стереотипы мышления и поведения, ценностно-ориентационную структуру, передаваемые монголами из поколения в поколение. При этом религиозная культура является доминирующим и приоритетным звеном, неотъемлемой составной частью всякой человеческой культуры, необходимым условием ее существования и развития.

Публикация столь мощного по обширности исследуемого материала и тематики коллективного труда монгольских исследователей, открывшая новые страницы творчества первого в Монголии Джебзун Дамба хутухты Ундэр гэгэна Занабазара, актуальна, своевременна и представляет собой большой научный вклад в отечественное и международное монголоведение.

Литература

1. Абаева Л. Л. *Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций*. Улан-Удэ: Бурят-Монгол ном; 2018.
2. Бира Ш. *Актуальные вопросы исследования истории Монгольского государства*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ; 2013.
3. Цультэм Н.-О. *Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века*. М.: Изобразительное искусство; 1986. Режим доступа: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000033/index.shtml>

References

1. Abaeva L. L. *The Religious Culture of the Mongolian People in the vector of the Buddhist Traditions*. Ulan-Ude: Buryat-Mongol nom; 2018. (In Russ.)

Абаева Л. Л. Ундэр гэгэн в исторической ретроспективе, социокультурных процессах и этнокультурной динамике буддийских традиций Монголии
Ориенталистика. 2020;3(3):892–902

2. Bira Sh. *Problems and questions regarding the history of the Mongolian State*. Ulan-Ude: Buryat State University; 2013. (In Russ.)

3. Tsultem N.-O. *The Art of Mongolia from the Ancient Times to the beginning of the 20th cent.* Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo; 1986. (In Russ.) Available at: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000033/index.shtml>

Для цитирования: Абаева Л. Л. Ундэр гэгэн в исторической ретроспективе, социокультурных процессах и этнокультурной динамике буддийских традиций Монголии [Рец. на:] Чулун С. (эрх.). «Сарьдагийн хийд». Ондор Гэгээн Занабазарын Уран Бүтээлийн Хурээ. Улаанбаатар: Туух-Археологийн Судалгаа; 2019. *Ориенталистика*. 2020;3(3):892–902. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-892-902.

For citation: Abaeva L. L. Under Gegen in the historical Retrospective, sociocultural Processes and ethno-cultural Dynamics of the Buddhist traditions in Mongolia. [Review on:] Chulun S. (ed.). “Sardag Monastery”. Under Gegeen Zanabazar’s Creative Monastery. Ulaanbaatar: Institute of the History and Archeology; 2019. *Orientalistica*. 2020;3(3):892–902. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-892-902.

Информация об авторе

Абаева Любовь Лубсановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела филологии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, Республика Бурятия.

Information about the author

Liubov L. Abaeva, Ph. D. habil. (Hist.), Professor, Principal Research Fellow, Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, Republic of Buryatia.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 апреля 2020 г.
Принята к публикации: 13 мая 2020 г.

Article info

Received: April 27, 2020
Accepted: May 13, 2020